

✦ Классическое наследие

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР*

ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЦЕРКОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ**

Аннотация: В публикуемом фрагменте рассматриваются отделение религиозной организации от политической, внутренняя дифференциация жречества, развитие церковных иерархий и монашества, функции религии в поддержании социальной сплоченности и социальном развитии.

Abstract: In this part the author considers the differentiation of religious organization from the political one, the inner demarcation of priesthood, the development of ecclesiastical hierarchies, the evolution of monasticism, and functions of religion in maintaining of social cohesion and in social evolution.

Ключевые слова: религиозные институты, церковные иерархии, жречество, монашество, культ предков, дифференциация, интеграция.

Keywords: religious institutions, ecclesiastical hierarchies, priesthood, monasticism, ancestor-worship, differentiation, integration.

Глава VIII. Церковные иерархии

§ 616. Институты, составляющие любое общество, обычно проявляют черты сходства в своей структуре. Там, где слабо развита политическая организация, слабо развита и церковная организация; в то же время рука об руку с централизованным принудительным гражданским правлением идет религиозное правление, не менее централизованное и принудительное. Уточнения к этому утверждению, необходимые для принорования его к изменениям, вызываемым в одном случае революциями, а в другом — сменой вероисповеданий, не затрагивают всерьез его истинность. С восстановлением равновесия этот альянс вновь начинает себя утверждать.

Итак, прежде чем приступить к обсуждению церковных иерархий как таковых, давайте рассмотрим конкретнее, как эти две организации, вначале тождественные, сохраняют в течение долгого времени единство природы, вытекающее из их общего происхождения.

§ 617. Как видно из вышесказанного, эту связь иллюстрируют прежде всего случаи, когда неустановившиеся религиозные институты соседствуют с неустановив-

* Перевод статьи публикуется в редакции переводчика.

** *Продолжение.* Начало в предыдущих выпусках. Перевод сделан по изданию: *Spencer H. The Principles of Sociology.* Vol. III. N.Y.: D. Appleton and Company, 1900. P. VII, 3-175.

шимися институтами гражданскими. Предлагаемые Стюартом и Батлером описания нага, сводящиеся к тому, что те «не имеют внутреннего управления» и явно не имеют жречества, показывают также, что наряду с неуважением к человеческой власти они проявляют крайне мало уважения и к богам, которых до какой-то степени признают: с существами, принадлежащими к миру духов, они обращаются так же вызывающе, как с живыми людьми. Скулкрафт, опять же, говоря о команчах, что «авторитет их вождей скорее номинален, чем действителен», добавляет: «Я не нашел там никакого жреческого сословия... Если они и признают хоть какую-то церковную власть, то вся она сосредоточена в их вождях». Ясно, что в отсутствие установленного политического главенства обычно не может сформироваться и признание умершего политического главы, а, стало быть, не образуется места для официального умиротворителя.

С подъемом патриархального типа организации оба управленческих поста, о которых здесь говорится, обретают свои первоначальные формы. Если, как на ранних стадиях, отец семейства, будучи домашним правителем, является также и тем, кто совершает жертвоприношения призраку предка, — если глава клана или вождь деревни, осуществляя политический контроль, поклоняется также духу мертвого вождя от лица других, равно как и от своего лица тоже, — то тогда ясно, что церковные и политические структуры представляют собой изначально одно и то же; существующий рядом знахарь, как уже было показано, не является жрецом в собственном смысле слова. Когда мы читаем, например, о восточных славянах, что «у них было принято, чтобы глава семьи или племени приносил жертвы от имени всех под сенью священного дерева», мы видим, что гражданские и религиозные функции и их исполнители не дифференцированы вначале друг от друга. Даже там, где появляется что-то вроде жрецов, тогда как аппарат управления еще не получил развития, они отличаются от других людей крайне мало и не имеют никаких исключительных полномочий. Примером служат бодо и дхималы: деревенские главы у них обладают «общим авторитетом, скорее добровольно им дарованным, чем принудительным», а старейшины «разделяют функции жречества». Кочевые привычки, сдерживая развитие политической организации, сдерживают также и развитие жречества, даже если жрецы как таковые выделяются из массы соплеменников. Тиле говорит о первобытных арабах, что «в святилищах различных духов и фетишей были свои наследственные священники, которые не составляли, однако, жреческой касты». Таким же образом физические особенности среды обитания и свойства ее обитателей, препятствующие слиянию небольших групп в более крупные, тоже поддерживают простоту церковной структуры, а с нею — и политической. Посмотрите на греков. Мистер Гладстон, заметив, что жрец никогда не был «в Греции значимым персонажем», добавляет далее: «Насколько нам известно, жрец любого отдельного места или божества не имел никакой органической связи со жрецом любого другого; так что если жрецы и были, то жречества при этом не было».

И наоборот, вместе с развитием гражданских институтов, которое сопровождает социальную интеграцию, обычно идет развитие церковного аппарата управления. В Полинезии мы можем взять как пример Таити. Здесь параллельно таким рангам, как король, благородное сословие, владельцы земли и простолюдины, существовали схожие различия между жрецами, каждый из которых исполнял свои обязанности только в том ранге, к которому принадлежал, а «жрецы национальных хра-

мов составляли отдельный класс». В Дагомее и у ашанти с деспотическим правлением и гражданской организацией, имеющей много градаций, соседствуют разряды жрецов и жриц, делящиеся на несколько классов. Древние американские государства тоже демонстрировали схожее соединение черт. Их централизованные и градуированные политические системы сопровождались церковными системами, сопоставимыми по сложности и иерархичности. Нет необходимости подтверждать деталями, что и в более передовых обществах наблюдалось что-то вроде параллелизма между развитием аппаратов гражданского и церковного правления.

Во избежание недопонимания можно еще добавить, что установление церковной организации, отдельной от политической, но схожей с ней по структуре, оказывается в значительной мере определено появлением в мышлении решительного различия между делами этого мира и потустороннего. Там, где первые и вторые понимаются как плавно переходящие друг с друга или теснейшим образом друг с другом связанные, эти две организации остаются либо тождественными друг другу, либо почти никак не разграниченными. В древнем Египте, где воображаемые узы, связывающие мертвых с живыми, были очень тесны, а соединение гражданских и религиозных функций в личности царя являлось реальным, «каждым городом правил главный жрец, окруженный многочисленным жречеством». Пример этого дают также японцы. Вместе с верой в то, что Япония была «страной духовных существ, или царством духов», и наличием у микадо полномочий продвигать умерших лиц на более высокие посты в их второй жизни (§ 347) двор микадо включал шесть уровней церковных чинов. В этом главном центре правления священные и светские функции были изначально сплавлены воедино: «У древних японцев правление и религия являли собой одно и то же». Похожим образом обстоит дело в Китае, где небесное и земное, как отмечает Гук, различаются в понятиях крайне мало и где есть одна власть, общая для первого и второго; функции установленной религии выполняют люди, являющиеся в то же время гражданскими администраторами. Не только император является там высшим жрецом, но и четыре первых министра — «владыки духовные и мирские». Если, по словам Тиле, «китайцев отличает полное отсутствие жреческой касты», то это потому, что наряду со своим всеобщим и действенным культом предков они сохранили то включение жреческих обязанностей в обязанности правителя, которое культ предков в своей простой форме нам демонстрирует.

§ 618. Подобие, которое существует между церковной и политической организациями там, где они отошли друг от друга, в огромной степени связано с общностью их происхождения из чувства почтения. Готовность повиноваться земному правителю естественным образом сопровождается готовностью повиноваться предполагаемому правителю небесному; и та же природа, которая благоприятствует росту административного аппарата, утверждающего первую, благоприятствует росту административного аппарата, утверждающего вторую.

Эта связь хорошо иллюстрировалась древними обществами Америки. В Мексике наряду с «одиозным деспотизмом» и крайней покорностью народа, делавшей возможной столь разветвленную правительственную организацию, что на каждые двадцать семей приходилось по одному под-подправителю, существовало чрезвычайно развитое жречество. Оценочную цифру Торквемады — 40 тысяч храмов — Клавигеро считает очень заниженной. Он говорит: «На мой взгляд, не было бы опрометчиво заявить, что не могло во всей империи быть меньше миллиона жре-

цов». Эту оценку делает еще более достойной доверия утверждение Эрреры, что «у каждого великого Человека был свой Жрец, или Священник». Так же и в Перу, где наряду с ничем не ограниченным абсолютизмом Инки и политическим чиновничеством, столь разросшимся и столь сложным, что из каждых десяти человек один был начальником над другими, существовало не менее огромное религиозное чиновничество. Арриага говорит: «Если сосчитать всех высших и низших чиновников, то, как правило, на каждые десять индейцев, а то и меньше, придется один начальник». Объяснение этих параллелей кроется, очевидно, в моральных природах мексиканцев и перуанцев. Люди, столь политически сервильные, как те, что находились под властью Монтесумы, коего «всегда носили на плечах благородные» и который распорядился, чтобы «ни один простолюдин не смел взглянуть ему в лицо, а сделавший это умирал», естественным образом были людьми, согласными поставлять бесчисленные жертвы, ежегодно приносимые их богам, и готовыми бесперерывно навлекать на себя умиловительные кровопускания. И, конечно, социальные механизмы по поддержанию земной и небесной субординации развивались у них, не встречая почти никакого сопротивления, так же, как это было и в Абиссинии. По словам Брюса, «цари Абиссинии стоят выше всех законов»; в другом месте он говорит, что «нет в мире другой страны, где было бы так много церквей, как в Абиссинии».

Доказательство обратной связи не должно нас отвлекать. Достаточно указать на контраст — как в политическом, так и в церковном отношении — между греческими обществами и современными, чтобы предположить, что характер общества, не способствующий росту крупной и консолидированной регулятивной организации политического типа, не благоприятствует и росту крупной и консолидированной регулятивной организации церковного типа.

§ 619. С ростом численности жречества обычно возникают специализации, образующие в нем иерархию. Интеграция сопровождается дифференциацией.

В первую очередь отметим, что одновременный прогресс двух видов организации предполагается тем, что пока вначале церковная организация менее резко отделена от политической, чем впоследствии, менее четко отграничены друг от друга и ее собственные структуры. Тиле говорит:

«То, что вначале египетская религия, как и китайская, представляла собой не что иное, как организованный анимизм, доказывают институты поклонения. Здесь тоже не существовало исключительной жреческой касты. Потомки приносили жертвы своим предкам, государственные чиновники — особым местным божествам, царь — божествам всей страны. Лишь позже появились слои писцов и постоянное жречество, но даже и эти посты, как правило, не наследовались».

Опять же, о древних римлянах мы читаем:

«Жрецы не составляли слоя, отдельного от других граждан. У римлян не было тех правил в отношении пребывания на общественной службе, какие мы имеем сегодня. У них одно и то же лицо могло контролировать поддержание порядка в городе, управлять делами империи, предлагать законы, выступать в качестве судьи или жреца и командовать армией».

И хотя в случае, когда религия воспринята извне, обстоятельства иные, мы все же видим, что в развитии административной организации явлены те же основные принципы. М. Гизо пишет:

«В самый ранний период христианское общество преподносит себя как простую ассоциацию, основанную на общей вере и общих чувствах... Мы не находим у них [первых христиан] никакой системы установленных доктрин, никаких правил, никакой дисциплины, никаких судебных органов... По мере того как оно развивалось... начал появляться организованный корпус доктрин, правил, дисциплины и судей; одних судей называли *рсеувхфеснй*, или древними, и они стали священниками; других — *ерйукпнрнй*, т.е. инспекторами, или надзирателями, и они стали епископами; третьих называли *дйбкпннй*, дьяконами, на них возлагались забота о бедных и распределение пожертвований... Это была организация верующих, которая преобладала как в отношении выбора функционеров, так и в отношении принятия дисциплины и даже доктрины. Церковное управление и христианский народ не были еще разделены».

Видя в этих последних фактах постепенное установление церковной структуры, мы видим также, каким образом в Церкви, как и в Государстве, шло отделение небольшой правящей части от гораздо большей управляемой части с постепенной потерей власти последними.

В церковном теле, как и в политическом, установлению властных градаций способствуют несколько причин, действующих по отдельности или вместе. Даже в группе маленьких обществ, скрепленной только родством, при наличии жрецов обычно появляются различия в объеме оказываемого ими влияния; это приводит к какой-то субординации, когда им необходимо друг с другом сотрудничать. Так, о жрецах у бодо и дхималов мы читаем, что «над небольшим кругом деревень властвует некий Дхами, обладающий не до конца ясным, но повсеместно признанным контролем над божествами своего района». Когда небольшие общества консолидируются в более крупное вследствие войны, политическое верховенство вождя завоевателей обычно в еще большей степени сопровождается церковным верховенством главного жреца общества завоевателей. Эта тенденция проявляется даже там, где собственные культы объединенных обществ остаются неприкосновенными. Так, например, называется, что «высшие жрецы Мексики были главами своей религии только среди мексиканцев, но не среди других покоренных народов»; вместе с тем мы читаем, что жрецы Уицилопочтли были из правящего племени и обладали, соответственно, большим политическим влиянием. Мексикатльтеуацин обладал властью не только над собственным жречеством, но и над другими. В древнем Перу, где подчинение объединенных народов завоевателям было абсолютным, жреческая иерархия завоевателей возвышалась над жречествами религий покоренных народов. После описания жречества Солнца в Куско мы читаем:

«В других провинциях, где были храмы Солнца (а было их великое множество), жрецами были местные жители, состоявшие в родстве с местными вождями. Но главным жрецом (или епископом) в каждой провинции был инка, следивший за тем, чтобы жертвоприношения и церемонии совершались в соответствии с правилами, принятыми в столице».

Далее, уже другой автор сообщает, что в великом храме в Куско «Инки поместили Богов всех покоренных Провинций, и у каждого Идола был свой Алтарь, на котором люди Провинции, которой он принадлежал, приносили исключительно обильные Жертвы; Инки полагали, что эти Провинции будут безопасны, если держать их Богов в Заложниках».

Короче говоря, древнеперуанское жречество состояло из основной иерархии, взгроможденной на множество менее значимых иерархий.

Но помимо этого подчинения одной священнической системы другой, вызванного завоеванием, есть, как видно из приведенных примеров, еще другие субординации, возникающие внутри самой организации каждого культа. Такие различия ранга и функции существовали в Египте. Наряду с высшими жрецами были *prophete*, *justophori*, *stolistes*, *hierogrammateis* и некоторые другие. Так же обстояло дело у аккадцев. «On comptait a Babylone, – говорит Мори, – divers ordres de prêtres ou interprètes sacrés, les *hakimim* ou savants, peut être les médecins; les *khartumim*, ou magiciens, les *asaphim*, ou théologiens; et enfin les *kasdim* et les *gazrim*, c'est-à-dire les Chaldéens, les astrologues proprement dits» (см. прим. 1). Рим тоже «имел очень богатую и сложную религиозную организацию», в которую входили: (1) понтифики, авгуры и т. д.; (2) *Rex Sacrificulus*, жертвоприносители и весталки; (3) салии и фециалы; (4) курионы; (5) братства. «Одни приносили жертвы, другие были предсказателями; одни были сочинителями гимнов, другие их пели... На ком-то из жрецов лежала обязанность поддерживать чистоту в храме, кто-то заботился об украшении алтарей; другим отводилась обязанность наставлять молодых, корректировать календарь, готовить праздники и заботиться о мифологических изображениях».

Когда вместо сосуществующих религий с собственными жречествами, находимых на ранних стадиях в большинстве составных обществ, созданных войной, мы имеем вторгающуюся религию, которая, будучи в теории монотеистической, не может признать другие и смириться с их существованием, по мере ее распространения возникает организация, схожая в своей централизации и специализации с только что рассмотренными. Описывая развитие церковного управления в Европе, М. Гизо пишет:

«Епископ был вначале инспектором, главой религиозной конгрегации каждого города... Когда христианство распространилось в сельские районы, муниципально-го епископа было уже недостаточно. Тогда появились хореепископы, или сельские епископы... а когда сельские районы стали христианскими, в свою очередь, стало недостаточно и хореепископов... каждая христианская агломерация более или менее значительного размера стала приходом, имеющим в роли религиозного главы своего священника... Вначале приходские священники действовали сугубо как представители, или доверенные лица епископов, а не по собственному праву. Союз всех приходов, сосредоточенных вокруг города, имевший долгое время неясные и изменчивые очертания, образовывал епархию. По прошествии некоторого времени они, дабы придать взаимоотношениям епархиального духовенства больше постоянства и завершенности, стали формировать небольшую ассоциацию множества приходов под именем *сельского капитула*... В более поздний период многие сельские капитулы были объединены... под именем *района*, управляемого архидиаконом... Тогда епархиальная организация обрела завершенность... Все епархии в гражданской провинции образовывали церковную область, возглавляемую митрополитом или архиепископом».

Чтобы полностью понять это развитие церковной организации, нужно бросить взгляд на процесс, посредством которого оно совершалось, и обратить внимание на то, как растущая интеграция делала необходимой все большую дифференциацию.

«В течение почти всего этого [второго] века христианские церкви были независимы друг от друга, их не объединяла ни ассоциация, ни конфедерация, ни какая-либо иная связь, а только узы христианской любви... Но с течением времени все

христианские церкви области сформировались в одно большое церковное тело, которое, подобно конфедеративным государствам, собиралось время от времени в одном месте, дабы заявить об общих интересах целого... Эти *советы*... полностью изменили лицо церкви и придали ей новую форму; ибо благодаря им древние привилегии народа были существенно урезаны, а власть и могущество епископов колоссально возросли. Настоящая скромность и благоразумие этих набожных прелатов не позволяли им сразу взять всю власть, которой они позже были наделены... Но скоро они отказались от этого смиренного тона и стали постепенно расширять рамки своих полномочий, превращать свое влияние в господство, а свои советы в законы... Еще одним следствием этих советов было постепенное упразднение того совершенного равенства, которое царило в былые времена среди всех епископов. Ведь порядок и соблюдение приличий на этих собраниях требовали, чтобы кто-то из областных епископов, встречавшихся на совете, был наделен высшей степенью власти и авторитета; отсюда происходят права митрополитов... Всемирная церковь имеет теперь облик одной огромной республики, созданной из соединения большого числа маленьких государств. Это обусловило создание нового разряда церковных чинов, назначавшихся главами церкви в разных частях мира ... Таковы были природа и пост *патриархов*, в кругу которых амбиция, дойдя до наивысшей точки, образовала с течением времени новое достоинство, наделив епископа Рима и его преемников титулом и властью владыки Патриархов».

Для довершения картины нужно лишь добавить, что все время, пока продолжалась централизация высших должностей, продолжалась все более мелкая дифференциация низших. Описывая англосаксонское духовенство, Лингард говорит:

«Круг священнослужителей ограничивался поначалу тремя чинами: епископами, священниками и дьяконами. Но с ростом числа новообращенных требовались услуги все большего числа дополнительных, но подчиненных чинов. И скоро в самых известных церквях мы уже находим иподьяконов, дьячков или певчих, экзорцистов, псаломщиков и служек, или ключников... Все они посвящались в сан епископом с соблюдением надлежащих формальностей».

§ 620. К числу основных особенностей развития церковных институтов следует добавить возникновение и укрепление монашества.

В поисках источника аскетических практик мы вновь должны обратиться к теории призраков и к некоторым вытекающим из нее идеям и актам, общим для нецивилизованных народов (§§ 103 и 140). У них бытуют изувечения и кровопускания на похоронах, посты после принесения в жертву животных и пищи на могиле, а также в каких-то случаях нехватка одежды вследствие оставления одеяний (всегда самых лучших) умершим. Угождение мертвым, следовательно, неизбежно ассоциируется в мышлении со страданиями живых. Эта связь идей достигает максимальной отчетливости, когда призрак, которого надо умиловать, — призрак правителя, ответного своей жадностью, любовью к кровопролитию и во многих случаях пристрастием к человечине. Для такого правителя, получающего власть путем завоевания и становящегося после кончины внушающим страх богом, возникают умиловительные церемонии, влекущие за собой суровые страдания. А потому там, где, как, например, в древней Мексике, мы находим божеств-людоедов, которым приносили многочисленные человеческие жертвы, мы обнаруживаем также, что среди жрецов и обычных людей бытовали весьма серьезные самоизувечения, частое пускание себе

крови, самобичевания, продолжительные посты и т.д. Мучения были всего лишь сопутствующими обстоятельствами жертвоприношений призракам и богам, но постепенно выросло представление, что подчинение этим сопутствующим страданиям само по себе приятно богам и призракам, а в конечном счете — что им угодно смиренное переживание страданий. Так по всему миру возникли аскетические практики.

Но это не единственный источник аскетических практик. Всеми народами они принимались еще и с целью вызвать те аномальные умственные состояния, которые будто бы предполагают одержимость духами или общение с духами. Дикари голодают, чтобы у них могли возникнуть видения и чтобы получить сверхъестественное руководство, которое, по их мнению, дают им такие видения. Особенно это принято среди знахарей и тех, кто готовится ими стать: они практикуют воздержание и подвергают себя всяческим лишениям с целью достичь маниакального возбуждения, которое они и окружающие их люди ошибочно принимают за вдохновение. Так возникает вера в то, что постоянными умерщвлениями собственной плоти можно добиться вселения в себя божественного духа; таким образом, аскета начинают считать святым (см. прим. 2).

Приводимый к своему образу жизни двусторонней верой в то, что добровольное подчинение страданию угодно Богу и что умерщвления плоти приносят вдохновение, аскет появляется среди сторонников каждой религии, достигшей сколь-нибудь значительного развития. Хотя почти не встречается упоминаний о постоянных отшельниках в древнеамериканских обществах, мы читаем о временных религиозных отшельничествах, например, в Гватемале, где верховный жрец, которым в некоторых случаях был царь, постился «четыре или даже восемь месяцев в уединении», или в Перу, где Инки время от времени жили в одиночестве и голодали. Из религий Старого Света много примеров дают буддизм, иудаизм, христианство и магометанство. Библейская история гласит, что «в доевангельские времена пророки и мученики “в милотях и козых кожах” скитались по горам и пустыням и жили в пещерах». Эта дисциплина отшельничества и воздержания, существовавшая, как видно, еще во времена Моисея в «обете назарянина» и сохранившаяся позже — свидетельством чему служат ессеи, — вновь проявилась в дисциплине христианских пустынников, которые были первыми монахами, или отшельниками: первоначально эти два слова были эквивалентны. Их стало великое множество в период гонений на христиан в III в., когда места их уединения стали укрытиями для беглецов.

«С той поры и до царствия Константина монашество ограничивалось отшельниками, или анахоретами, жившими в уединенных кельях в пустынных местах. Но когда Пахомий воздвиг монастыри в Египте, другие страны сразу последовали примеру, и монашеская жизнь в церкви достигла полной своей зрелости».

Лингард тоже описывает этот процесс:

«Где бы ни жил монах [затворник], слышший достойным претендентом на святость, желание воспользоваться его советом и примером побуждало других располагать свои обиталища по соседству. Он становился их аббатом, или духовным отцом, они — его добровольными послушниками, и группа обособленных келий, которую они создавали вокруг его кельи, была известна другим под именем его монастыря».

Итак, появляясь обычно вначале в рассеянной неорганизованной форме и превращаясь постепенно в небольшие скопления вроде скоплений иноков в Египте, находившихся под строгим началом старшего, которому помогал эконом, монас-

тырские ордена, разрастаясь, приобретали в то же время определенную организацию и в конце концов, как это было у бенедиктинцев, пришли к формированию общего устава, или способа управления и жизни. Хотя на раннем этапе существования монахи считались людьми более святыми, чем духовенство, они не выполняли священнических функций; однако в V–VI вв. они приобрели некоторые из них и, в силу этого, стали подчинены епископам, результатом чего стала долгая борьба за сохранение независимости, с одной стороны, и за насаждение своей власти, с другой, которая увенчалась практическим поглощением монашества Церковью.

Разумеется, происходило дальнейшее усложнение церковной иерархии, которое достаточно будет упомянуть, не погружаясь в описание деталей.

§ 621. Дальнейшие исследования раскрывают связь между церковным и политическим управлением в степени их развития. Там, где мало развито одно, мало развито и другое; в обществах, развивших жестко принудительное мирское правление, существует обычно и жестко принудительное религиозное правление.

Вырастая из общего корня и обладая в ранних обществах слабо дифференцированными структурами, политическая и церковная организации долгое время остаются очень плохо отграниченными друг от друга.

Тесная взаимосвязь между двумя формами регулирования, схожими в используемых средствах и в своих степенях, имеет моральное происхождение. Крайняя податливость природы способствует крайнему развитию механизмов контроля – как политических, так и религиозных. И наоборот, рост аппаратов, осуществляющих такой контроль, сдерживается чувством независимости, которое, противясь деспотизму живых правителей, не благоприятствует и крайнему самоумалению в умилоствлении божеств.

Когда тело, поддерживающее культовые установления, возрастает в массе, усложняется и его структура; и независимо от того, какое происхождение имеет культ – местное или чужеземное, – следствием этого становится развитие иерархии священников-функционеров, аналогичной в общих принципах организации градуированной системе политических функционеров. В одном случае, как и в другом, дифференциация, начинаясь с состояния, в котором власть распределяется приблизительно равномерно, достигает состояния, в котором масса становится полностью подчиненной, а контролирующей слой проявляет внутри себя подчинение многих немногим и, в конце концов, одному.

Глава IX. Церковная система как социальная связь

§ 622. И вновь мы должны вернуться к религиозной идее и религиозному чувству в их рудиментарной форме, дабы найти объяснение той роли, которую играют церковные системы в социальном развитии.

Хотя культ предков у нас и умер, до сих пор сохраняются некоторые представления и чувства, ему соответствующие, и некоторые вытекающие из них обряды, позволяющие нам понять его первоначальные следствия, а также первоначальные следствия тех культов, которые произошли непосредственно от него. Я говорю прежде всего о поведении потомков после смерти родителя или прародителя. Здесь можно выделить три черты, значимость которых мы теперь и рассмотрим.

Когда происходят похороны, естественная привязанность к почившему и поддерживающий ее обычай заставляют собраться членов семьи или клана: прежде

всего его детей и многих других родственников и в какой-то мере друзей. Все они, участвуя в церемонии, объединяются в том выражении почтения, которое конституировало изначальное поклонение и остается подходящей формой поклонения до сих пор. Погребение предка становится, следовательно, событием, по случаю которого больше, чем по каким-либо другим поводам, происходит оживление мыслей и чувств, соответствующих прерванной родственной связи, и укрепление уз между родственниками.

Нередко проявляется еще более значимый побочный результат. Если между членами семьи есть антагонизмы, то им не позволено выражаться вовне. Охваченные общим чувством к умершему и вынужденные в силу этого выражать симпатию к нему, лица, прежде враждовавшие с ним, в какой-то мере смягчают свои враждебные чувства; и нет ничего необычного в том, что следствием этого становится примирение. Так что помимо упрочения семейной группы, вызываемого общим собранием ее членов, происходит еще и упрочение ее, вызываемое прекращением ссор и разладов.

Имеется еще одно влияние, укрепляющее сотрудничество. Предаются огласке повеления умершего; и если они касаются семейных разногласий, то подчинение им дополнительно способствует гармонии. Хотя, по правде говоря, указания относительно распределения собственности часто кладут начало новым ссорам, все же в отношении прежних ссор известное желание умершего, чтобы они были прекращены, оказывает свое влияние, побуждая к компромиссу или прощению; а если с его стороны было выражено желание, чтобы после его смерти проводился какой-то особый курс, или политика, то это желание, даже выраженное устно, с высокой вероятностью становится для его потомков законом и тем самым создает среди них единство действия.

Если в наши дни эти влияния все еще сохраняют немалую власть, то куда большую власть они должны были иметь в те дни, когда было живо представление, что духи предков могут быть рассержены непочтительным отношением к их желаниям и могут наказать непослушных. Очевидно, что семейный культ в первобытные времена должен был весьма способствовать поддержанию семейных уз — тем, что вызывал периодические собрания для жертвоприношений, подавлял разногласия и производил послушание одним и тем же повелениям.

По мере того как мы поднимаемся по ступенькам развития от обычного отца к стоящему во главе многочисленных семей патриарху, умилоствление духа которого для всех них является императивом, а далее к какому-нибудь предводителю родственных кланов, который, ведя их в завоевательные походы, становится после смерти главным местным богом, которого все другие боятся и слушаются, мы можем ожидать, что в культах, производных от поклонения предкам, будет всюду обнаруживаться то же влияние, которое демонстрирует нам поклонение предков в его простой изначальной форме. И мы не будем разочарованы. Даже относительно таких неотесанных народов, как остяки, мы находим сообщение, что «использование одного и того же освященного места или одного и того же жреца устанавливает узы союза». Еще более ясные свидетельства дают нам высшие народы. Давайте изучим их под только что отмеченным углом зрения.

§ 623. Древнейшие племена египтян, населявшие территории, ставшие со временем *номами*, были прочно объединены особыми культами. Центром каждого «был всегда в первую очередь храм, вокруг которого образовывался город». И поскольку

«к некоторым животным, священным в одной области, в других питали отвращение», а естественным источником этого было, как мы видели, название именами животных вождей-предков, почитаемых внутри одного племени, но ненавидимых за его пределами, мы имеем основания для вывода, что в каждом случае локальной союзной связью было поклонение богу-прародителю.

Ранняя греческая цивилизация показывает действие тех же влияний, и исторические документы позволяют проследить их развитие до высшей стадии. Грот пишет:

«Чувство братства между двумя племенами или деревнями проявляло себя поначалу в отправлении ими священной миссии, или Теории, на праздниках друг друга для совершения жертвоприношений и участия в последующих развлечениях»... «Иногда это тяготение к религиозному братству принимало форму, называемую Амфикизией и отличавшуюся от обычного празднества. Несколько городов вступали в отношения исключительного религиозного партнерства для периодического принесения жертв богу какого-то особого храма, который, как считалось, находился в общем владении и под общей защитой всех».

Далее у Курциуса мы читаем по поводу важнейшего из этих союзов:

«Все греческие родовые фамилии привязаны к особым святилищам: эти святилища — центры союза и отправные точки истории... В этом отношении Аполлона как бога Фессалийской Амфикизии можно назвать основателем общей нации эллинов и создателем эллинской истории».

Если к этому присовокупить еще один примечательный факт — что «дорийцы... называли Дороса основателем своего рода и предком Аполлона и видели в распространении культа последнего свою историческую миссию», — то происхождение этого религиозного развития из культа предков станет очевидным. А поскольку периодические собрания для совершения жертвоприношений дали начало Амфикизийскому совету, постановления которого «имели источник в Аполлоновской религии» и пользовались уважением отдельных греческих государств «во всех вопросах, касающихся общих для всех прав», то мы получаем ясное доказательство того, что федеральная связь брала свое начало в общем культе.

Нечто похожее произошло и в Италии. По поводу этрусков Моммзен говорит: «Каждая из этих лиг состояла из двенадцати общин, признававших власть метрополии, особенно в том, что касалось культа, а также федерального главу, или, скорее, верховного жреца». Так же обстояло дело у латинян. Альба была главным местом Латинской лиги и, вместе с тем, местом, где образующие лигу племена собирались на свои религиозные праздники: существовавший между ними союз был освящен культом, в котором все сообща участвовали. Схожий факт предполагается и в отношении древнего Рима. «Старейшая конституция Рима, — говорит Сили, — от начала и до конца религиозна. Институты, считающиеся чисто утилитарными, появляются позже, а те, на смену которым они приходят, не уничтожаются, а официально сохраняются по причине их религиозного характера».

Хотя обычно в таких случаях главным стимулом к образованию федерации становится потребность в общей защите от внешних врагов, все-таки в каждом отдельном случае образуемая федерация определяется той общностью священных обрядов, которая время от времени собирает воедино рассеявшиеся подразделения одного рода и поддерживает в них жизненность идеи их общего происхождения, а вместе с тем жизненность связанного с ней чувства.

Хотя христианство и не явило в сколько-нибудь значительной степени такого консолидирующего эффекта, а его культ не дал тех связей, которые возникают при поклонении какому-нибудь великому основателю племени или традиционному родовому богу, все-таки вряд ли можно поставить под сомнение, что единство веры и церемоний служило в какой-то мере интегрирующим принципом. Хотя христианское братство не слишком-то проявляло себя среди христианских народов, все-таки оно не было совсем уж пустым именем. На самом деле очевидно, что, поскольку сходство в мышлении и симпатия в чувствах должны способствовать гармонии, уменьшая поводы для разногласий, согласие в религии обязательно благоприятствует союзу.

§ 624. Еще яснее проявляется параллелизм между приостановкой семейной вражды на похоронах и временным прекращением противостояния между кланами по случаю общих религиозных праздников.

В § 144 я уже отмечал, что у некоторых нецивилизованных народов места захоронения вождей становятся священными, вплоть до того, что в них запрещено драться; один из результатов этого — появление святилищ. Запрет на ссоры в местах захоронений или в священных местах, где совершаются жертвоприношения, обычно естественным образом становится запретом на ссоры с теми, кто приходит сюда приносить жертвы. Таитяне не нападали на врага, пришедшего принести жертвы национальному идолу; а у чибча паломники в Ираку (Согамосо) были защищены религиозным статусом этой местности даже во время войны. Эти факты сразу вызывают в памяти случаи из древней истории Европы. О племенах, давших начало римской цивилизации, мы читаем: «Есть, однако, признаки того, что во время Латинского праздника [жертвоприношений Юпитеру], как и во время праздников эллинских союзов, по всему Лацию соблюдалось “божественное перемирие”». Случай, с которым Моммзен здесь проводит сопоставление, гораздо более конкретен и особенно показателен. Служа с самого начала регулированию поклонения общему божеству и поддержанию временного мира среди верующих, Амфиктионический совет гарантировал «безопасный проход даже через враждебные эллинские государства» тем, кто направлялся на жертвоприношения и игры, которые стали с ними связываться. И здесь из временных приостановок антагонизмов возникли вторичные следствия, укрепляющие союзы.

«Празднества в честь обща почитаемых богов были национальными. От этой системы празднеств был всего один шаг до общего календаря. Нужен был общий фонд для охраны зданий, в которых отправлялся культ, и обеспечения жертвоприношений; это сделало необходимой общую денежную единицу. Общий денежный фонд и храмовые сокровищницы требовали управляющих, для выбора которых нужно было собираться; за выполнением ими своих обязанностей должны были следить представители объединенных племен. На случай возникновения спора между амфиктионами нужна была судейская власть для сохранения общего мира или наказания его нарушителей от имени бога. Так малозначительное начало общих ежегодных празднеств постепенно преобразовало всю общественную жизнь; постоянное ношение оружия было отброшено, взаимные контакты стали безопасными, все чтить святость храмов и алтарей. Но самым важным результатом было то, что члены Амфиктионии научились считать себя единым целым в противовес тем, кто находился за ее пределами; из множества племен возникла нация, которой потребова-

лось общее название для отличия ее и ее политической и религиозной системы от всех других племен».

То, что принятие общей веры вело также понемногу к консолидации европейских народов, мы видим в недельных приостановках феодальных войн под влиянием Церкви, в более долгих приостановках более крупных распрей по настоянию папы во время крестовых походов и в последующих совместных действиях королей, в прочие времена враждовавших, примером чего служит сражение Филиппа Августа и Ричарда I под одними знаменами.

Затем к этим факторам, косвенно содействовавшим консолидации, присоединялись прямые влияния суждений, предположительно идущих от бога через одухотворенное лицо — дельфийского оракула или высокопоставленного католического священника. «Как люди привилегированных духовных талантов», дельфийские жрецы «обладали способностью и миссией выступать от имени своего бога учителями и быть советниками во всех вопросах для детей этой страны»; а поскольку к их суждениям по внутриплеменным вопросам относились с уважением, то, очевидно, они служили предотвращению войн. Таким же образом вера в папу как посредника, через которого сообщается Божья воля, обычно вызывала в тех, кто придерживался этой веры, подчинение его решениям касательно международных споров и, тем самым, уменьшала разлагающие следствия постоянных конфликтов. Примеров тут можно найти сколько угодно: это и принятие папского вердикта Филиппом Августом и Ричардом I под угрозой церковного наказания, и сохранение Иннокентием III мира между королями Кастилии и Португалии под угрозой отлучения от церкви, и увещание Элеоноры («Разве Бог не дал тебе власть править народами?»), и официальное провозглашение теории, что папа высший судья в спорах между государями.

§ 625. С неменьшей ясностью эти факты оправдывают проведенную выше аналогию между признанной обязанностью исполнять желания покойного родителя и непреложным обязательством подчинения закону, установленному богом.

Дважды за шесть месяцев в небольшом кругу своих друзей я видел, как проявлялось подчинение поведения воображаемой воле умершего человека: первый пример дал человек, который после долгих колебаний решил-таки переехать из дома, построенного отцом, в другой дом, но такой, какой, по его мнению, понравился бы отцу; второй пример дал человек, который, не имея лично ничего против карточной игры по воскресеньям, отказался от нее под предлогом, что это не понравилось бы его покойной жене. Если в подобных случаях предполагаемые желания умершего преобразуются в правила поведения, то насколько же сильнее должны тяготеть к такому превращению явно выраженные повеления! Коль скоро сохранение союза в семье является целью, которую такие выраженные повеления почти всегда подразумевают, а наказания умирающего патриарха или вождя-завоевателя естественно нацелены на процветание клана или племени, которым он управлял, то правила или законы, рождающиеся из поклонения предкам будут способствовать социальному сплочению не только сами по себе, но и порождая идеи об общем для всех обязательстве.

Я уже отмечал в §§ 529-30, что обычаи, занимающие у примитивных людей место законов, воплощают идеи и чувства прошлых поколений; встречая религиозное подчинение, они представляют власть мертвых над живыми. В обычаях веддов, скандинавов и евреев я нашел свидетельства того, что в каких-то случаях к духам мертвых обращаются за руководством в чрезвычайных обстоятельствах; и я привел дока-

зательство того, что, вообще говоря, у обожествленных людей или богов просят указаний; в пользу этого были приведены примеры, взятые из описаний египтян, перуанцев, таитян, тонганцев, самоанцев, евреев и многочисленных арийских народов. Кроме того, было показано, что от частных приказов, являющихся ответом на специальные обращения, совершался переход к приказам общим, переходящим в постоянные законы. В складывающихся таким образом сводах законов присутствовало смешение всех видов регуляций: священных, светских, публичных, домашних, личных. Позвольте мне здесь привести свидетельство, подтверждающее сказанное.

«Земледелие прививалось приверженцу Зороастра как священный долг. Его учили, что на всех, кто поклоняется Ахурамазде, лежит обязанность вести оседлую жизнь... Всё, избеганием чего наслаждался кочевник, прививалось как религиозный долг приверженцу Зороастра... Принципы Зороастра и подобных ему учителей вели к объединению оседлых племен, и отсюда выросли могущественные империи древности».

Рождавшиеся таким образом своды законов, рассматриваемые как сверхъестественно данные свыше традиционным родовым богом, обычно ограничивали анти-социальные действия индивидов по отношению друг к другу и принуждали к совместным действиям в сношениях одного общества с другими, содействуя в обоих случаях социальной сплоченности.

§ 626. Общее влияние церковных институтов консервативно в двойном смысле. Они несколькими способами поддерживают и упрочивают социальные узы, сохраняя тем самым социальный агрегат; и делают они это в значительной мере за счет сохранения представлений, чувств и обычаев, которые, развившись на ранних стадиях общества, примерно соответствовали требованиям (о чем свидетельствует само их выживание) и, вероятно, до сих пор в немалой мере им соответствуют. В другом месте (*Изучение социологии*, глава V) я уже приводил, правда, с другой целью, примеры того крайнего сопротивления, которое церковные институты оказывают изменению; и мы видели, что оно во многом обусловлено свойствами самой церковной организации. Позвольте мне добавить еще ряд примеров.

У древних мексиканцев «в жертвоприношениях применялись кремневые ножи». В Сан-Сальвадоре у жреца был «нож из кремня, с помощью которого он вскрывал грудь жертвы». У чибча, когда в жертву приносили мальчика, «его убивали ножом из тростника»; а в наше время у каренов борова, приносимого в жертву обожествленным предкам, «убивают не ножом или копьем, а заточенной бамбуковой тростью, с силой в него вонзаемой». Во многих других случаях орудиями, применяемыми для священных целей, служат сохранившиеся орудия самых архаических типов либо орудия сравнительно древних типов, как в языческом Риме, «где вплоть до последнего времени можно было использовать только медь, например, для изготовления священного плуга и жреческого ножа» и где на религиозные церемонии облачались в древнюю одежду. — У нага огонь для поджаривания жертвенного животного «разжигают всякий раз заново с помощью трения двух сухих кусочков дерева»; у тода в аналогичных случаях «хотя огонь и можно принести готовым из Манда, *священный* огонь разводят трением веток». Дамара поддерживают постоянное горение священного огня, но если он вдруг потухнет, «огонь разжигают заново примитивным способом, а именно — трением». Даже в Европе долгое время сохранялась схожая связь идей и практик. Пешель говорит о палочке для добывания огня: «Этот способ разве-

дения огня сохранялся до недавнего времени в Германии, ибо народное суеверие приписывало огню, полученному таким древним методом, чудесную силу». А на Западных островах Шотландии еще в конце XVII в. в случае чумы или ящура продолжали добывать огонь для священных целей трением дерева о дерево. — То же и с формой речи. Помимо таких примеров, как использование мертвых языков для религиозных богослужений евреями и католиками, сохранение древнего языка в качестве священного коптами и схожее пользование архаическим типом письма у египетских священников, мы имеем иллюстрации, представляемые нецивилизованными народами. Скулкрафт сообщает о криках, что их древний язык (семинольский) «преподается женщинами детям как своего рода религиозная обязанность». В Дагомее жрец тоже «произносит обращения на непонятном иерархическом языке». А происхождение японского буддизма «по сей день демонстрируется повторением молитв на неведомом языке и сохранением индийского алфавита и письма — санскрита, или деванагари — во всех религиозных трудах Японии». — Эта же тенденция поразному проявляла себя у евреев, что мы видим в требовании использовать для жертвенников нетесаный камень (Исх. 20, 25-26), в использовании опресноков для приношений (Суд. 6, 19-21) и в запрещении строить храм на месте простого шатра и скинии, которые, как считалось, были прежде божественным обиталищем (2 Цар. 7, 4-6). Схожая сопротивляемость видна в Греции. Религиозные институты, говорит Грот, «часто оставались неизменными, несмотря на все политические перемены».

Конечно, противясь таким образом изменениям в обычае, церковные функционеры с равной, а то и большей энергией сопротивлялись изменениям в верованиях, так как любая революция в унаследованном своде верований грозит сотрясти в какой-то мере все его части, снижая общий авторитет учения предков. Эту известную сторону церковного консерватизма, согласующуюся с выше проиллюстрированными его аспектами, нет нужды иллюстрировать.

§ 627. И вновь, стало быть, теория призраков дает нам необходимую разгадку. Как прежде мы выяснили, что можно проследить происхождение всех религиозных обрядов из похоронных, так и теперь выясняется, что эти влияния, исходящие от церковных институтов, уходят корнями в воздействия, вызываемые чувствами по отношению к умершим. Погребение умершего родителя является событием, по случаю которого члены семьи собираются вместе и связываются обновленным чувством родства, любой антагонизм между ними временно или навсегда прекращается, и они еще крепче объединяются, сообщая подчиняясь желаниям умершего и обретая тем самым стимул действовать согласованно. Чувство сыновней почтительности, так себя проявляющее, расширяет сферу своего действия, когда умершим является патриарх, основатель племени или народный герой. Но везде, будь то в поклонении богу или в похоронах родителя, мы видим одни и те же три влияния: упрочение союза, приостановку вражды, закрепление переданных повелений. В обоих случаях развивается несколькими путями процесс интеграции.

Таким образом, глядя на суть дела в целом, мы можем сказать, что за церковностью стоит принцип социальной преемственности. Она больше, чем все прочие учреждения, способствует сплочению — причем не только между сосуществующими частями нации, но и между ее нынешним и прошлыми поколениями. В обоих случаях она помогает сохранять индивидуальность общества. Или, несколько изменив угол зрения, мы можем сказать, что церковность, воплощая в своей примитивной

форме владычество мертвых над живыми и освящая в более развитых своих формах господство прошлого над настоящим, имеет функцией сохранение действенности организованного продукта прежних опытов *в противовес* модифицирующим эффектам более поздних опытов. Ясно, что этот организованный продукт прошлых опытов чем-то себя зарекомендовал. Жизнь общества вплоть до настоящего времени поддерживалась благодаря ему; отсюда вечная причина для сопротивления отклонению. Если учесть, что вождь или правитель, умиловление духа которого кладет начало локальному культу, приобретает свое положение за счет того или иного рода успехов, то мы должны будем заключить, что повиновение идущим от него приказаниям и поддержание введенных им обычаев ведет в среднем общественному процветанию, пока условия остаются теми же, и что, следовательно, крайний консерватизм церковных институтов вовсе не бесоснователен.

Даже независимо от относительного соответствия унаследованного культа унаследованным социальным обстоятельствам, есть преимущество – если не сказать необходимость – в принятии традиционных верований и в вытекающей отсюда конформности к складывающимся обычаям и правилам. Ведь до того, как скопление людей сможет стать организованным, люди должны уже быть чем-то соединены и удерживаться вместе в условиях к которым они должны приспособливаться; и чтобы они были так объединены, принуждающее влияние их традиционных верований должно быть сильным. Препятствия, создаваемые антисоциальными чертами дикаря (§§ 33–38) для социальной сплоченности, составляющей первейшее условие социального прогресса, так велики, что удержать его в необходимых связях может лишь чувство, влекущее к абсолютному подчинению: подчинению мирскому закону, подкрепленному священным законом, изначально целиком ему созвучным. И отсюда, как я уже указал, вытекает та истина, что социальная эволюция, где бы она ни возникла – в Египте, Ассирии, Перу, Мексике, Китае, – на протяжении всех ранних ее стадий сопровождалась не только крайним подчинением живым царям, но и изощренными культурами божеств, ведущих происхождение от мертвых царей.

Примечания

1. «В Вавилоне существовало много всевозможных священников, или священных толкователей: *хакким*, или знахари, возможно, врачи; *хартумим*, или маги; *асафим*, или богословы; наконец, *касдим* и *газрим*, т.е. халдеи, в собственном смысле слова астрологи» (*фр.*).

2. Интересно заметить, сколь прочно до сих пор укоренена эта идея. В «Церковном словаре» Бланта содержится хвалебное описание пророка Даниила как «использовавшего свои аскетические практики в качестве особого средства обретения Божественного света»; автору явно неизвестно, что знахари всего мира всегда делали то же самое и с тем же самым намерением.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Продолжение следует